

*И.А. Валаханович,
главный советник
Белорусского института стратегических исследований,
кандидат исторических наук, доцент*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛАРУСИ

Впервые понятие «историческая политика» ввел в оборот американский историк Говард Зинн, издавший в 1970 году сборник эссе с одноименным названием. В 1980-е годы во время знаменитого «спора историков» в ФРГ термин получил негативный контекст из-за попыток правоконсервативных историков опротестовывать тезис об особой вине немцев за нацистские преступления и одновременно представить фашизм, как реакцию на ранее возникший и более агрессивный большевизм. Оппоненты охарактеризовали подобные действия «исторической политикой», подразумевая под этим манипулирование историей. В 1999 году в работе «Историческая политика в Федеративной Республике Германии...» Эдгар Вольфрум впервые дал научное определение понятия, как вида деятельности и области политики [4, с. 24–27].

В 2004 году группа польских историков выступила с инициативой разработки и проведения активной «исторической политики» для противостояния искажениям национальной истории. В отличие от Германии термин имел положительный контекст и использовался сторонниками «исторической политики». Вслед за Польшей приемы, методы и само понятие стали широко применяться в других восточноевропейских государствах. Это было связано с попытками ускоренного создания новых национально-государственных идентичностей в посткоммунистических странах [6].

Сегодня «историческая политика» активно используется правящими элитами различных стран для мобилизации общества. Исторические образы и их необходимые интерпретации востребованы в периоды политических трансформаций для моделирования и утверждения новых представлений о национально-государственной идентичности [8, с. 140].

«Историческая политика» как явление возникло и функционировало до появления самого понятия. Часто в качестве синонима употребляется термин «политика памяти».

Автор в целом придерживается подходов к оценке явления, а также направлениям и механизмам реализации исторической политики в Беларуси, изложенным коллективом авторов в концептуальной статье, опубликованной совсем недавно журналом «Беларуская думка» [6]. Для общей характеристики и анализа белорусской политики памяти попытаемся сравнить основные подходы к этому явлению, закрепившиеся в общеевропейском историческом нарративе, а также у соседей Беларуси (Латвия, Литва, Польша, Польша, Россия, Украина). Причем, понимая масштабы анализа, ограничимся сопоставлением наиболее «трендовых» нарративов, характерных практически для всех государств Европы.

В общеевропейском историческом нарративе определяющим событием современной истории является Вторая мировая война, а разгром нацистской Германии – основным ее значением и итогом. Другой основополагающий элемент европейской политики памяти – Холокост, как основная трагедия XX века, вылившаяся в коллективную вину и ответственность европейских народов за него [2, с. 170–171].

В России наблюдается масштабное и государственно поощряемое почитание победы в Великой Отечественной войне. Празднование Дня Победы подчеркивает идентификацию россиян, как народа-миссионера, оказавшегося единственно способным разгромить нацизм [7].

Историческая политика Беларуси выстраивается в целом в общем русле с российской и основывается на объективном анализе достижений советской исторической школы в исследовании Второй мировой войны. Вопросы о вкладе СССР в разгром нацизма, оценке нацистской политики геноцида, в т.ч. Холокоста, получили однозначное трактование на государственном уровне и в общественной оценке.

Однако, существуют определенные проблемы и в реализации политики памяти в России. Наблюдаются попытки «национализации» темы Великой Отечественной войны. Из исторического оборота исчезают ранее употребляемые термины «советский народ», «победа советского народа». Их заменяют понятия «русский народ», «победа русского оружия».

В исторической политике стран Балтии темы Второй мировой войны и Холокоста увязывается неразрывно с тезисами о советской оккупации и аннексии Прибалтики. Для того чтобы привнести в общеевропейский и международный исторический дискурс собственный нарратив политическим элитам стран Балтии пришлось оправдывать участие своих граждан в нацистских формированиях Ваффен-СС, а также признать причастность национал-коллорабационистов к Холокосту [8, с. 145–146].

Тема Второй мировой войны не превратилась в острое дискуссионное поле двусторонних белорусско-литовских и белорусско-латвийских отношений. Вместе с тем, отечественные исследователи ввели в научный оборот ряд ранее неизвестных материалов, свидетельствующих об активном участии прибалтийских полицейских батальонов в карательных акциях против партизан и мирного населения (в т.ч. еврейского) в оккупированной нацистами Беларуси.

В исторической политике Польши тема Второй мировой войны также занимает ключевое место. Однако она жестко увязана с проблемой ликвидации Второй Речи Посполитой в результате ее раздела нацистской

Германией и сталинским Советским Союзом. В ходе реализации политики памяти не упоминаются национальное и религиозное притеснение белорусского и украинского населения, политические репрессии в отношении участников национального движения. Однако в рамках обсуждения «Катынской трагедии» неоднократно поднималась тема т.н. «белорусского катынского списка» якобы расстрелянных в Куропатах польских военных. Результатом польской исторической политики стал и культ «проклятых солдат», сражавшихся за восстановление Второй Речи Посполитой против «двух врагов» – Германии и СССР.

В последнее время польско-белорусские отношения заметно «потеплели» во многом благодаря двустороннему историческому диалогу. Острые темы в оценке прошлого не исключены из исторического дискурса, но не переводятся в политическую плоскость [1, с. 8–12].

Историческая политика в Украине формировалась в рамках пересмотра оценки участия украинцев во Второй мировой войне. Советский исторический нарратив уступил окончательно место национально-националистическому, подчеркивающему статус украинского народа, как жертвы внешних сил (России, Советского Союза). В рамках нового нарратива негативно оценивается советский период истории в целом. Героизируются и приравниваются к ветеранам войны участники ОУН–УПА. Проблема Холокоста не игнорируется, но вопрос участия украинских националистов в уничтожении евреев целенаправленно выводится на второй план [2, с. 174].

Тема Второй мировой войны не превратилась в острое дискуссионное поле двусторонних белорусско-украинских отношений. Вместе с тем, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в научное обращение вошли многочисленные факты, основанные на изучении архивных документов и свидетельствующие об активном участии украинских полицейских

батальонов в карательных акциях на оккупированной нацистами белорусской территории (трагедия Хатыни).

Таким образом, историческая политика в странах-соседях Беларуси определялась поиском выгодного баланса между устоявшимися подходами к проведению политик памяти в западноевропейской традиции (незыблемость отношений к итогам Второй мировой войны и проблеме Холокоста) и советской или современной российской (ведущая роль Советского Союза в разгроме нацизма, осуждение национал-коллорабонационизма). С одной стороны, Польша, Литва, Латвия и Украина нашли этот баланс через осуждение своего социалистического прошлого. С другой стороны, они вынужденно признали неоправданные действия национал-коллорабонационистов, но лишь в рамках реализации инициированной нацистской Германией политики Холокоста.

Историческая политика Беларуси полностью соответствует западноевропейским «стандартам» и в оценке Второй мировой войны, и Холокоста. На государственном и общественном уровне в Беларуси осуждаются действия нацистских оккупантов и национал-коллорабонационистов. С другой стороны, белорусская политика памяти не идет в разрез с подходами к реализации ее в России. К тому же российский партнер не оценивается Беларусью как источник исторических бед.

Белорусская политика памяти логично увязывается с понятием «информационный нейтралитет», закрепленным в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь. Через этот термин достигается понимание того, что наша страна исключает возможность любых инициатив со своей стороны по вмешательству в информационную сферу других государств (в т.ч. в политику памяти). Исключение инициатив не означает отказа от адекватных ответов на возможные вызовы и угрозы белорусской национальной исторической политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Буконкин, Д. А. Историческая политика как новый элемент в белорусско-польских отношениях / Д. А. Буконкин // Многовекторность во внешней политике Республики Беларусь : материалы междунар. круглых столов, Минск, окт. – нояб. 2016 г. / под ред. А. В. Русаковича ; редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – 96 с. – С. 4–15.
2. Воронович, А. А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины / А. А. Воронович // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 167–189.
3. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. – М.: РАН, 2018. – 508 с.
4. Касьянов, Г. Украина и соседи: историческая политика. 1987 – 2018 / Георгий Касьянов. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 632 с.
5. Коваленя, А. А. К вопросу об исторической политике / А. А. Коваленя, В. Ю. Арчаков, В. В. Данилович, А. Л. Баньковский // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
6. Политика памяти // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политика_памяти. – Дата доступа: 10.09.2019.
7. Семячко, А. Политика памяти: как и зачем государства формируют свою историю // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://special.theoryandpractice.ru/politics-of-memory>. – Дата доступа: 10.09.2019.
8. Скачков, А. С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики / А. С. Скачков // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. № 1. – С. 140–151.